

Н. И. БУХАРИН

Цезаризм под маской революции: по поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции»

<Фрагменты>

Книга проф. Устрялова¹, на которую уже обращал внимание читателей «Правды» тов. Зиновьев², в самом деле заслуживает с нашей стороны некоего внимания. Г-н Устрялов рассчитывает на публику весьма квалифицированную, на людей, про которых можно было бы сказать, — одобрительно похлопывая их по плечу:

...И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту³.

Наш харбинский, то бишь афинский софист говорит на «языке богов». Правда, стилист он недурной и умеет облекать «реальные интересы» узорами расписного, но точного языка, подымаясь иногда даже до своеобразного сменовеховского пафоса. Однако, этот узорчатый словесный ковер, куда ловкою рукой привлечены и «Непостижимое», и «Исторический Разум», и Шпенглер с Соловьевым⁴, Леонтьевым, де Мэстром⁵, и Гегель, и многое другое, конечно, весьма искусно скрывает «реальные интересы», о которых заботился г. Устрялов. Для того, чтобы нащупать действительную классовую правду у Устрялова, нужно иметь немалый тренаж, умение распознавать противника и вытаскивать его из самых отдаленных и самых глухих нор. Здесь мало его обругать. Здесь нужно аргументировать. Ибо мы имеем дело с самым опасным врагом. Это — не меньшевики и эсеры, пустопорожние балалайки мещанства. Это — идеологи, у которых есть своя система, закругленная по существу дела со всех сторон, хотя и надевающая на себя иной раз совсем неподходящий костюм. Это — идеологи, которые всеми силами хотят опереться на внутренние, имманентные,

противоречия нашего развития, и притом хотят отравить нас медленно действующим ядом в нашем же доме. Они гораздо трезвее и хитрее меньшевиков и эсеров, несмотря на свои заигрывания с мистикой, богом и прочими заумными вещами.

Ты прав, несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный:
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп, и слава богу⁶.

Пушкинские ученые Фирсы поистине «несносны». Но что же поделаешь? Приходится разжевывать и этот сомнительный теоретический мармелад.

Г-н Устрялов развертывает в своей книге весь разноцветный веер сменовеховской идеологии. В предлагаемой вниманию читателя статье мы, разумеется, не в состоянии пойти контратакой по всему фронту (быть может, если время позволит, это удастся сделать после). Мы ограничиваемся поэтому вопросами, наиболее «ударными», чтобы, в свою очередь, ударить по коротким рукам, имеющим смешную претензию медленно душиить нас.

І. Мировой кризис и всемирный смысл Октябрьской Революции

Разумеется, странно было бы, если бы г. Н. Устрялов обошел этот основной вопрос, вопрос о всемирно-историческом контексте нашей революции. Ведь всякому понятно, что не только общие судьбы нашей страны, но и конкретные этапы ее развития определяются в значительной мере этим мировым контекстом. Уклониться от вопроса нельзя. Нельзя тем более, что он кричит ежедневно и ежечасно миллионами голосов.

«Конечно, великий кризис нашего времени, — пишет г. Устрялов, — не исчерпывается планом политики, права, вообще внешнего общественного устройства. Он исходит из духовных глубин и нисходит к ним же. Он был бы бессилен вне их, и его размах — ручательство его органичности. Перерождается духовная ткань человечества»*.

* «Религия революции», указанный сборник, стр. 280.

Да не смущается читатель склонностью г-на Устрялова залезать всеми пальцами обязательно в духовные глубины. Это уж обычный и «façon de parler» и «façon d'agir» («способ говорить» и «способ действовать»), практикуемый «учеными Фирсами». Нам важно отметить здесь вот что: г-н Устрялов признает всеобъемлющий характер мирового кризиса («человечество», не только «внешнее устройство», но и «духовная ткань»).

Это хорошо. Но ведь интересно было бы; узнать от автора, находящегося в близких отношениях с «Духом Истории» и видящего, как перерождается не только материальная, но и духовная ткань человечества, в какую же сторону перерождается она? Вот в этом и заключается весь вопрос. Ведь ответ на этот вопрос в значительной мере предопределяет все остальное.

Г-н Устрялов — любитель Гегеля. Но Гегель требовал и конкретного анализа, без которого тощие абстракции неизбежно начинают хворать, а потом и вовсе погибают, за полной ненужностью и для «духа», и для людей, и для самих себя.

Так вот интересно узнать, что же думает г-н Устрялов о направлении и шагах мировой истории?

О, вы не думайте, читатель, что ответ будет прост. Ибо у г. Устрялова есть не один, а целых три ответа.

Ответ, № 1.

«Конечно, было бы близоруко не учитывать мирового значения русского опыта. Есть много оснований утверждать, что русская революция открывает собою новую эру всеобщей истории.

Она — первая бурная судорога «старого мира», живущего «великими принципами 89 года»⁷. Но из этого еще отнюдь не следует, что ее предельные лозунги воплотимы теперь же сполна.

Всемирная история идет к социализму, как к своему очередному фазису, но этот путь длителен, извилист и постепенен»*.

Да позволено будет остановиться несколько на этом ответе. Итак, всемирная история идет к социализму. Более того, она не просто идет к социализму, но социализм — это ее очередной фазис. Другими словами, г. Устрялов прямо, точно и ясно говорит, что за империализмом следует социализм как «очередной» этап, т.е., что данный всемирно-исторический кризис перерождает «ткань человечества» в сторону социализма. Что путь долог,

* «Вехи и революция», стр. 48 сборника.

тяжел, извилист и проч., — это трюизм. Кто станет здесь спорить? Важно для нас констатировать, что устряловский исторический «дух» все-таки тянет нашу лямку.

Но вот на той же странице, несколькими строками выше, мы читаем:

«Смена вех» не верит в немедленный коммунизм. Ни один из ее авторов — не социалист. «Смена вех» руководится прежде всего патриотической идеей.

Идеология ортодоксально-интернационалистская и классовая (! — Н. Б.) чужда ей»*.

«Верить» в «немедленный коммунизм» (ну, и г. Устрялов!) никто и не приглашает. Но приглашают строить социализм, к которому как будто ведет история. Что же говорит г. Устрялов? Если оголить его мысль, то останется следующее: «Так как история ведет к социализму, как к своему очередному этапу, то ни я, никто-либо из моих друзей не социалисты». Забавные же вы шутники, господа сменовеховцы!

В чем же здесь, однако, дело? Да дело в том, что социализм нужен г. Устрялову, как табак, который бросают в глаза. Об этом убедительно свидетельствует

Ответ № 2. Вот он:

«Дыхание своеобразного «цезаризма»⁸, ощущаемое в современной европейской атмосфере, не есть откровение совершенства. Но я ни на минуту и не выдаю его за таковое. Я только констатирую его наличность. Я отчетливо вижу (ишь ты! — Н. Б.), что оно более глубоко и органично, чем это сейчас кажется многим. Оно не принесет собою земного рая, ибо земного рая вообще нет и не будет. Но, судя по многим признакам, оно отметит собою «очередной фазис всемирной истории»**.

Итак, буквально теми же словами («очередной фазис всемирной истории») г. Устрялов предрекает нам вместо социализма... цезаризм! И уж за «цезаризм» он — горой! Правда, его некоторые статьи как будто говорят, что социализм возможен как раз в цезаристской форме, что здесь есть знак равенства. Но если бы г-н Устрялов сам «верил» в этокое утверждение, то зачем же ему нужно было отречься от социализма? Нет, «умысел другой тут был», и г. Устрялову социализм понадобился только для прикрытия.

* «Вехи и революция», стр. 48-я сборника.

** «Опорная аксиома», стр. 264, курсив наш. — Н. Б.

Мы переходим теперь к *ответу № 3*. Вот и этот замечательный «ответ».

«Нам, современникам, недоступен весь смысл совершающихся событий. Но мы не можем не ощущать, что живем на большом каком-то историческом рубеже, на перекрестке эпох, когда на очереди переоценка культур, смена народов. И в пространстве, и во времени знаки перелома, кризиса. И внешние наблюдения, и внутренние интуиции сливаются воедино, чтобы обличить всю глубину творящейся исторической драмы. И политики, и историки, и философы согласно констатируют исчерпанность целой грандиозной полосы жизни человечества, предугадывают нарождение новой, конкретно еще неопределимой полосы»*.

Вот вам еще один ответ. Словом, чего хочешь, того просишь. Если нужно уклониться от ответа, тогда — «неопределимая полоса», «недоступная современникам». Если нужно успокоить буржуазию, обратиться к ее поддержке, тогда «я отчетливо вижу» *цезаризм*. Если нужно обмануть рабочих и крестьян, тогда «очередным фазисом» является социализм. Разбирайтесь здесь в прихотливых танцах «Исторического Разума»!

«Побольше целомудрия в обращении со словом!» — назидательно замечает г-н Устрялов г-ну Мережковскому. Совет, который не мешало бы усвоить и самому г-ну Устрялову. Ибо, в самом деле, что это за шутовское легкомыслие в вопросах предельно-огромного масштаба! Что за игра в прятки, когда нужно отвечать на великие проблемы! Что за жалкая трусость мысли, которая выступает в облики то Буриданова осла⁹, то социалистического пророка, то придворного глашатая, приветствующего грядущего цезаря!

Коммунизм выставляет тезис о кризисе *капитализма*. Не о кризисе «вообще», не о платоновской «идее» кризиса, не о «понятии», а о *реальном кризисе реального, существующего отеперь in concreto*¹⁰ *капиталистического* о с т р о я со всей вавилонской башней его надстроек. Царство буржуазии начинает трещать. <...>

Но г-н Устрялов только на одной единственной (сорок восьмой) странице согласен с этим. На других — он проповедует другое. Как «увязывается» все это, как г-н Устрялов ухитряется все же впрямь «в одну телегу» зараз и «коня» и «трепетную лань», пожалуй, лучше всего увидим мы на устряловском анализе значения Октябрьской революции.

* «Судьба Европы», стр. 331.

«Всемирно-исторический смысл Октябрьской революции и заключен прежде всего в испровержении уст о е в формально-демократической государственности и XIX века» (курсив, автора. — Н. Б.). В этом своем «смысле» она истинно победоносна и подлинно интернациональна... В «квадратных скобках» действенного антипарламентаризма рядом с Лениным, Бухариным и Троцким найдут себе место и — странно вымолвить! — Муссолини¹¹, и покойный Стамболийский¹², и здравствующий Цанков, и Кемаль¹³, и Хорти¹⁴, и Ривера¹⁵, и, по существу, сам Пуанкаре» *16.

Итак, «всемирно-исторический смысл Октябрьской революции» заключается в «квадратных скобках» г. Устрялова, упомещающего рядом с Лениным Хорти и Пуанкаре. Нечего сказать, высоко летает «дух» г-на профессора! Удивительно только, почему в этот каталог г-н Устрялов постыдился втиснуть также и свою прошлую любовь — сухопутного адмирала Колчака, который тоже не питал особого уважения к устоям «формально-демократической государственности». Логических оснований для такого стыда ведь нет ровно никаких. Ибо чем Колчак «хуже» Цанкова? Чем он «хуже» Хорти? Ни с точки зрения классов, ни с точки зрения приверженности к определенным «государственным формам», ни с точки зрения методологии политического действия таких отличий нет.

Почему же почтенный профессор прячет сибирского адмирала? Да потому, что его сопоставление с Лениным сразу в максимально-кричащей форме раскрыло бы весь «смысл» устряловской бессмыслицы. Для Устрялова важно отрицание демократии во имя фашистского цезаризма и буржуазной диктатуры. Все его помыслы сводятся к тому, чтобы наполнить диктаторскую форму советской власти буржуазным содержанием, т.-е., чтобы вырастить Колчаков, как цыплят в инкубаторе, в пределах; и под крышей советской государственности. Для этого ему нужно вопиющее смешение в одной куче Ленина с Хорти. Мотив не новый: мы слышим его от всех своих врагов, и совеем недавно мне пришлось разбирать по косточкам этот мотив в работе против Каутского.

В чем «рациональное зерно» устряловского, с позволения сказать, построения? В том, что критические эпохи, в особенности во время гражданской войны, требуют диктаторской формы: или диктатуры буржуазии, или диктатуры пролетариата. Но и только. А что делает г. Устрялов? Устрялов «отвлекается» от классового содержания,

* «Шестой Октябрь», стр. 252–253.

ставит знак равенства между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Нечего сказать, хороший метод!

Посмотрим, что же получается у г. Устрялова. Итак, всемирно-историческое значение Октябрьской революции с кризиса: Пуанкаре-Война да избавит «человеческое стадо от войны! Поистине, заблудились вы в трех соснах, г-н Устрялов!

Но это вовсе не значит, что г. Н. Устрялов не чувствует шаткости своей позиции, равно как это вовсе не значит, что г. Устрялов не пытается и в этом пункте пускать в глаза табачную пыль, и притом с елейно-мистическим видом посматривая «горе». Он ставит «проклятый вопрос современности»: на каком принципе построить власть? И отвечает: «Нужна идея. Но ее трагически недостает нынешним европейцам»*. И, видите ли, г-ну Устрялову по этому поводу кажется, что «верно одно: только какой-то новый грандиозный импульс, какой-то новый религиозный прилив принесет возрождение»**.

А дальше начинается серия вопросов:

«Возможен ли он? Придет ли он? Каков он будет? Кто знает? Кто скажет?.. И великая мировая война, нами пережитая, не сохранится ли в памяти далекого потомства, как первая страшная, предсмертная судорога старой Европы, подобная великим потрясениям начала нашей нынешней эры, обозначившим собою рубеж античности и средних веков?..»***.

<...>

Вы понимаете, читатель? То г-н Устрялов «отчетливо видел» цезаризм. Теперь он вешает огромный вопросительный знак и ныряет своим борзым разумом в неисповедимые глубины мистики, ожидая какого-то грандиозного религиозного импульса. Раньше он «утверждал» социализм. А теперь он вдруг находит, что у европейцев (всех европейцев) нет никакой идеи. Поймите-ка после этого нашего пророка! Несомненно, однако, что действительным стержнем его вожделений является по сути дела фашистский цезаризм. Но сколько запутанных фигур и узоров понаделал наш искусник! Так заяц, удирающий от охотников, делает «петли», скачет и путает, чтобы сбить с толку людей. Однако, частенько ведь и этикие хитрости не помогают...

* «Судьба Европы», стр. 339.

** Ibid., стр. 340.

*** Ibid.

Интересно в связи с разбираемым вопросом о международном значении Октябрьской революции и о мировом кризисе коснуться также и того, как г-н Устрялов объясняет крах формальной демократии.

«Мир изобилует олухами, а вы добились всеобщего голосования!.. — сокрушается Карлейль*.

.....
Что же, в конце концов, удивительного, что параллельно высшему торжеству демократического начала мы видим ныне его поразительный декаданс, его эффектный эпилог?.. Массы отрекаются от своей непосредственной власти (курсив автора)... И... они спешат уступить эту высшую власть активному авангарду, инициативному меньшинству из своей собственной среды... Отсюда — культ Ленина в России. Муссолини — в нынешней Италии... И рождается новая аристократия, по-своему народная и по существу передовая, — аристократия черной кости и мозолистых рук»...**

Лукавый человек г-н Устрялов. В самом деле, какие удивительные фокусы показывает он в приведенной цитате! «Массы отрекаются от власти», и таким образом совершается переход от формальной демократии к цезаризму. Так изображает дело г-н Устрялов. Но позвольте! Где же это массы стояли у власти в условиях формальной демократии? Это всеобщее избирательное право, это оно, что ли, было формой власти масс? В Америке, что ли, массы «стоят у власти»? Или стояли в довоенной Франции? Поразительные открытия делает г-н Устрялов на перевале «шестого Октября»! Если мы вспомним, что к числу благодатных ликов крушителей формально — демократического строя г-н Устрялов сочувственно и не без основания присовокуплял и Хорти, и Пуанкаре, то теория нашего сменовеховца становится поистине умилительна по своей «иловайской» 18 простоте: всюду в XIX веке массы стояли у власти, а потом взяли да и передали эту власть такой «аристократии мозолей»

* Карлейль Томас (или Карлайл; 1795–1881) — английский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), «История жизни Фридриха II Прусского» (1858–65). Исповедовал романтический «культ героев» — исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предначертание и двигают человечество вперед, возвышаясь над толпой ограниченных обывателей. Одним из первых обратил внимание на вырождение лидеров европейской политической элиты.

** «Шестой Октябрь», стр. 253–254. Курсив везде принадлежит автору.

(вот уж удружил!), как Пуанкаре, Хорти, Муссолини. Муссолини, который в блоке с римским папой, королем, *Vanco d'Italia*¹⁹ и генералитетом осуществляет «аристократию черной кости и мозолистых рук». Святейший римский отец! Непогрешимый лапа! Благослови сию сцену своей чудотворной рукой!

Но из-под лукавых и лицемерных излияний о «черной кости», «мозолях», «снизу» идущих вождях («из своей среды») и т.п. проглядывает действительный пафос г-на Устрялова: мир избил олухами, т.е. масса — это и суть «олухи». Не потому ему, Устрялову, не нравится формальная демократия, что она в действительности не подпускает массы к управлению; она, наоборот, ненавистна ему потому, что она все же, хотя бы и формально, признает права «олухов». Вот где гвоздь. Недаром эпиграфом цитируемой нами статьи г-н Устрялов взял такой любезный его сердцу диалог:

- Генерал, рейхстаг против вас!
- Да, но за меня рейхсвер!.*²⁰.

Не понимая (или притворяясь непонимающим) разницы между Муссолини и Лениным, г-н Устрялов не понимает и сути советской власти. Он не понимает, что советская власть, преодолевая формальную демократию, в то же время сама является высшей формой демократии. Если диктатура Хорти, Пуанкаре, Муссолини суживает круг активности низов, то советская власть его не бывало расширяет. Подъем масс — для нас главное, в то время как для г-на Пуанкаре и — извините, г. Устрялов! — даже для г-на Устрялова это — «олухи». Вот почему международное значение Октябрьской революции состоит в том, что она будит небывало широкие пласты человечества. Массы, вопреки г-ну Устрялову, вовсе не стремятся отдать власть, которой они нигде, кроме нашей страны, не имеют. Массы стремятся завоевать власть. Проглядеть это, не понять ни существа, ни даже формы советской власти — значит ровно ничего не понять как раз в том великом всемирно-историческом катаклизме, который разразился на наших глазах и единственный выход из которого — социализм. А г. Устрялов держится за свой цезаризм, вздыхает, косит левый глаз на социализм, заигрывает с богом и с советами одновременно.

Прав был старый пророк Исайя: «Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, горе грешнику, ходящу по две стези!»²¹.

* «Шестой Октябрь», стр. 252.

II. Сменовеховская установка. Экономическое «перерождение» в СССР

Главная «идея» г. Устрялова, как известно, сводится к утверждению о перерождении и большевизма, его экономики, его классового базиса, его политики, его международного значения. Г-ну Устрялову до крайности хочется, чтобы дух Ленина мог сказать: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох». Более того, эти «блохи», по Устрялову, и составляют то великое новое слово, которое должна сказать Новая Россия. Казалось бы, русская буржуазия, скитаясь по рекам, если и не вавилонским, то все же изрядно отдаленным как от Москвы, так и от Невы, должна была бы жить только воспоминаниями:

Уж пожить сумела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая,
Ножка моя стройная?²²

Но вот поди ж ты! Г-н Устрялов раскрывает перед буржуазией новые перспективы, яркие, как блеск солнца на вершине гор. Правда, его Дульцинея — не прежняя буржуазия, а новая, которая должна себя еще целые годы скоблить ножом, оттирать скребницей, отмыть и чистить вонючую грязь первоначального накопления. Только с годами, — по Устрялову, — отмоется она и, припомаженная, облагороженная всеми идеологическими снадобьями сменовеховства, осененная великим религиозным импульсом Устрялова, вползет тихой сапой в царство небесное Новой России, оплота частной собственности, порядка, буржуазной диктатуры, крепкого патриотизма и здорового вооруженного кулака. Г. Устрялов стоит, как известно, не за вооруженный пролом большевистской стены. Он стоит за «второй путь государственного преодоления революции, — путь через нее саму». Это будет (и это, по Устрялову, уже есть)

«путь постепенного, органического перерождения самих революционных тканей. Силой вещей и логикой власти втягивался красный центр в национальную работу, автоматически подчиняясь историческим задачам, стоящим перед страной. Государство, пользуясь характерным образом Ленина, становилось похожим на редиску: будучи красным лишь снаружи, внутри оказывалось белым, как снег»*.

* «Над бездной», 1–2.

С началом новой экономической политики (1921 г.) г. Устрялов декретирует:

Чтобы «спасти советы — Москва жертвует коммунизмом»*).

В другой статье («Редиска») он дружески похлопывает по плечу «великого утописта и одновременно великого оппортуниста Ленина»:

«В добрый час!

В настоящий момент нам безразличны мотивы «новой тактики» Ленина. Важна сама эта тактика. Ее нельзя не приветствовать»**.

И, приветствуя «новую тактику» Ленина, г-н Устрялов решительно заявляет в той же статье:

«Единственно надежный путь — трансформация центра»***. От введения новой экономической политики начинается, по Устрялову, «перерождение большевизма», перерождение его по всей линии. И все последующие статьи Устрялова должны показать, как идет это перерождение, и каким чудесным пророком оказывается харбинский профессор, и какими чудаками являются коммунисты, «верующие» в коммунизм, и какими замечательными факторами истории обнаруживают себя элементы «созидательной буржуазии»...

Мы впоследствии подведем баланс всем рассуждениям г. Устрялова, который «и доселе убежден» в том, что «основные интуиции» его «не обманули» (IV). А сейчас мы предпочитаем остановиться на аргументации г. Устрялова, и притом, прежде всего, как он любит выражаться, «в плане» экономики.

Г-н Устрялов в одном месте своей работы презрительно отзывается о «самоуверенных экономистах». Однако именно ему бы не мешало быть менее самоуверенным по части экономики. Ибо как раз с нею, с этой «материальной базой», у г. Устрялова приключился не малый скандал. Его пророческие «интуиции» едут с поникшей главою в потрепанной галоше. Но удивительнее всего то, что г. Устрялов не замечает этого. Не есть ли данное обстоятельство лишнее подтверждение свойств того самого «русского духа», который «зады твердит и лжет за двух»?..

К сожалению, иногда даже коммунисты позабывают основное методологическое требование, необходимое при анализе отдельных

* Ibid., стр. 9.

** «Редиска», стр. 17.

*** «Редиска», стр. 18.

больших хозяйственных сфер, напр., сельского хозяйства. Люди думают, будто можно правильно наметить общие пути развития, не рассматривая деревни в связи с городом, сельского хозяйства — в связи с индустрией, транспортом, кредитом. Рассматривают какую-то изолированную деревню, замкнутую в себе, знаменитого «Сфинкса», подчиненного в своем развитии каким-то совсем особым законам, не находящимся в преступном сообществе с законами развития всего народного хозяйства в целом. Эта убогая точка зрения не раз грохалась о землю под сокрушительными ударами марксистской критики. И не раз, как кустарный ванька-встанька, она снова поднималась, чтобы тоненьким голоском снова повторить «имманентные» ей благоглупости. Иные считают необходимым подпевать ей и сейчас. <...>

«Если рискнуть парадоксом, то нельзя не подчеркнуть, что нынешняя «коммунистическая» Россия объективно является наименее социалистическим государством в современной «буржуазной» Европе. Веяния «государственного социализма» в какой-либо Англии или, скажем, Чехии, с их рабочим законодательством, финансовой политикой, усиливающимся влиянием государства на экономическую жизнь и т.д. бесконечно ощутительнее, нежели в разоренной, окустаренной, о «первоначальном накоплении» мечтающей России»*.

Так критикует революцию г. Устрялов. А эта «лойяльная критика», по его мысли, «будет в интересах страны и явится фактором, способствующим начавшемуся перерождению революции»**. Не гонитесь, голубчики, за всякими коммунизмами. А лучше потихоньку продвигайтесь-ка к привычному капиталистическому укладу! Оставьте, если хотите, розовую внешность редиски, — лишь бы внутри у вас было бело! <...>

Но как ни гипнотизирует своими «гениальными интуициям» г. Устрялов, все же перед нами не объективное отражение действительности, а сменовеховский бред.

В самом деле, какая картина рисуется духовному взору почтенных идеологов новой буржуазии? Разнэпаченная деревня лихо выделяет зажиточных и кулаков. Здоровый капитализм расцветает буйным цветом на удобренной гнильем феодализма тучной российской земле. В городе государственная промышленность лопається, «част-

* «О нашей идеологии», стр. 151, курсив автора.

** «Три борьбы», стр. 60.

ная инициатива» торжествует победу, последние оковы спадают с порабощенного капитала, и розовое дебелое лицо нового буржуа в американских круглых очках сияет, как солнце новой жизни, над равнинами России.

Это, конечно, было бы, е с л и б ы было то, чего нет, и не было бы того, что е с т ь .

<...>

И далее опять пророчество:

«Читайте в советских газетах очерки современного советского быта, и вы с горечью убедитесь, что ставка на кооперацию явно рискует оказаться гнилой... Победа частного капитала коренится глубоко в русских условиях...»*.

Нам нечего доказывать нашим читателям, что и в торговом обороте точно так же происходит — в общем и целом, разумеется, — систематическое вытеснение частного капитала, что и м е н н о к о о п е р а ц и я на деле выдвигается на первый план и что, следовательно, мрачные пророчества г-на Устрялова потерпели довольно солидный крах. Г-н Устрялоов больше е р и т в капитал, чем анализирует условия его победы. Вера же есть, по катехизису²² митрополита Филарета²³, «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». Психологически ведь так понятны «упования» сменовеховцев устряловского толка и на провал госпромышленности, и на провал кооперации. Судорожно цепляются они за всякий зигзаг экономической конъюнктуры, за всякую речь кого-либо из советских вождей, чтобы убедить себя в правильности своих «интуиций».

«Верую, господи! Помоги моему неверию!».

А жизнь идет своим чередом, перескакивает через кочки и барьеры, раздирается мучительными противоречиями, проходит сквозь строй бескровных и бесшумных классовых битв, ожесточённого соревнования хозяйственных форм, — и со скрежетом зубовым наблюдательный западноевропейский буржуа видит, как, несмотря на хаос хозяйственных «субстанций», форм, отношений, все же вырисовываются ясные контуры п о б е д ы с о ц и а л и з м а .

Разве не потому растет к нам ненависть капиталистического мира?..

* Там же, стр. 157. И тут г-н Устрялов делает оговорки и даже приглашает спецов помогать этой борьбе! Это ставя всю свою ставку на частный капитал.

Ш. Диалектика экономики. «Термидор». «Перерождение «большевизма» и классы

Итак, мы можем констатировать «генеральный просчет» г-на Устрялова в области экономики. Пиндар²⁴ великороссийского фашизма, — ибо к фашизму «растет» идеология г-на Устрялова, — ошибся в основе основ. По существу дела, тем самым изничтожаются и все прочие «аргументы» сменовеховского лидера. <...>

«Если припомнить нашу предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России или в скором времени после взятия власти... то мы увидим, что в первый период... мы о наших задачах экономического строительства и говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 г. и в течение всего 1919 и всего 1920 годов... Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика... мы (сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению... Это, к сожалению, факт. Я говорю: «к сожалению» потому, что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму»*.

Эти цитаты — не простая литературная справка. Они отвечают на основной вопрос о смысле и значении так называемой «новой экономической политики» в ее отношении к «военному коммунизму». Они точно также бьют в лицо устряловской концепции. Ибо что, по сути дела, говорит г-н Устрялов? Чем он старается загипнотизировать своего читателя: ободрить буржуа, деморализовать и отравить коммуниста? Вот какую цепью рассуждений: в 1917 году большевики проповедовали рай божий на земле, «немедленный коммунизм», «немедленное» счастье для всех. Это был идейный лик революции. А потом те же коммунисты («конечно», под давлением обстоятельств; «конечно», исходя из идеальных побуждений; «конечно», надеясь на то, что в-будущем они все наверстают) по сути дела целиком и заменили программу, с которой они вошли в революцию. Они провозгласили нечто принципиально новое. И это новое есть «перерастание», «перерождение», «трансформация»

* Ibid., стр. 341–342. Курсив наш.

в сторону «неизбежного». «Да придет царствие твое» — молится г-н Устрялов буржуазному режиму и возжигает перед его образом свою сменовеховскую свечу, дым и чад от которой отравляют воздух. Но беда г-на Устрялова в том, что его концепция, повторяем, фактически неверна, и тов. Ленин убедительно опровергает ее в приводимых цитатах. По сути дела, «новая экономическая политика» была именно той политикой и той программой, о которой мы вступили в революцию. Она составляла «идейный лик революции». И она была сорвана развитием гражданской войны и интервенцией. Военный коммунизм был методом военного нажима и отрицанием правильной хозяйственной политики. Новая экономическая политика была в о з в р а т о м к первоначальному плану, но уже на основе победы в развернутой гражданской войне. Такова, диалектика нашей экономики. Г-ну Устрялову понадобилось полное искажение основных фактов нашей экономической истории для того, чтобы запугать и запутать коммунистических рабочих, разложить их веру в правильность того пути, по которому мы идем, способствовать тем самым действительному перерождению ведущего кадрового состава нашей революции.

Г-н Устрялов весьма красочно живописует воображаемую картину нашего перманентного отступления перед мелкобуржуазной стихией, перед частным капиталом, перед капиталом международным и так далее. Но г-н Устрялов не видит (или опять притворяется, будто не видит), что в самом нашем отступлении уже был зародыш наступления другими методами. «Бывши один раз битыми, мы начинали «наступать медленно, систематически и осторожно» (Ленин). Когда мы стали на новой основе, перестроивши ряды, повышать «медленно, систематически и осторожно» удельный вес госхозяйства, это уже было реальное наступление, хотя о д н о в р е м е н н о ш л о отступление от линии военного коммунизма. Тут перед нами две пересекающихся линии, и нужно подвести баланс, итог, учтя обе эти линии, чтобы определить, отступаем ли мы — и т о л ь к о — или уже начали продвигаться в п е р е д . Г-н Устрялов чрезвычайно упрощает свою задачу. Он не видит всей сложности картины, всей ее противоречивости. Он берет только о д н у тенденцию (и притом вовсе не решающую), прячет в мешок своей идеологии контртенденции и, хлопая крыльями, поет, как петух, навстречу восходящему буржуазному солнцу. Но пока, милостивый государь, взойдет сие буржуазное солнце, коммунистическая роса выест дочиста «очи» деляческой новой буржуазии...

Систематически применяет г. Устрялов свой метод запугивания, на все лады оперируя жупелом «термидора». Во время гражданской войны нас все время пытались запугать с в е р ж е н и е м советской власти. Эта бедная советская власть «летела» (в распаленном воображении белых) буквально каждую секунду. А вместе с тем, когда выяснилась победа Красной армии, стали говорить о «кульминационном пункте» революции, о «неизбежном» т е р м и д о р е . И меньшевики, и эсеры, и кадеты, и монархисты — все вдруг прониклись исторической премудростью, и, вооруженные не то, чтобы уж очень тяжелым багажом исторических аналогий, с важностью настоящих «социологов», стали заниматься глубокомысленными прорицаниями на предмет «термидора» для ободрения пасомых белых стад, уже жалобно мычавших на тощих лугах российской эмиграции.

Г. Устрялов сообщает нам, впрочем, что занятия «термидором» со стороны любомудров нашей буржуазной интеллигенции начались сравнительно давно:

«Помню, — пишет г. Устрялов, — проф. В. М. Х. (Хвостов²⁵. — Н. Б.) в Москве, занимавшийся за последнее время социологией и открывший «типическую кривую» для всех революций и индивидуальные кривые для каждой из них, — уверенно заявлял весной 1918 года: 1) переезд большевистского правительства из Петербурга в Москву есть 9 термидора русской революции, после которого ее кривая начнет неизбежно спадать»*.

Теперь г-н Устрялов убедился (да это и нетрудно было сделать), что профессора В. М. Хвостова не вывезла ни «типическая», ни «индивидуальная» «кривая»: на кривой выехать не удалось апостолам и практикам великороссийского империализма, и сам г. Хвостов трагически кончил самоубийством: его личное банкротство только подчеркнуло банкротство и его «социологии», и его практической политики одновременно.

Но буржуазная Пенелопа продолжает ткать разорванную ткань. И не кто иной, как г-н Устрялов, усиленно настаивает на «термидоре», приурочивая его более осторожно, чем в свое, время г. Хвостов, — к началу новой экономической политики и возводя в сан обер-термидорианца товарища Л е н и н а . Г-н Устрялов с р а ж а л с я вместе с Колчаком против нас. Теперь, когда он кается, он сражается тоже против нас, но в другой форме: он хочет, оперевшись на «служилую

* «Фрагменты», стр. 350.

интеллигенцию», переделать нас по образу и подобию буржуазии, этой «прекрасной дамы» сменовеховства. Г-н Устрялов, по правде сказать, удивительно напоминает гейневского царя Висвамитру:

Был некогда царь Висвамитра,
 Одним пожираем желаньем:
 Добиться коровы Васишты
 Войной иль своим покаяньем.
 О, царь Висвамитра, каким же
 Ты истым быком оказался,
 Когда ради только коровы
 И каялся ты, и сражался!²⁶

Но оставим царя Висвамитру.

Тем более, что о вкусах, говорят, не спорят, и трудно бороться с неистребимым влечением г. Устрялова к буржуазной «корове»: очевидно, ему так больше нравится. Однако все же нам нужно подойти с ножом логической критики к построениям сменовеховского оракула.

«Термидор, — пишет г. Устрялов, — был поворотным пунктом французской революции... Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец (курсив автора. — *Н. Б.*), сопровождавшийся, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права. При этом необходимо подчеркнуть, что основным, определяющим моментом термидора явилось именно изменение общего стиля революционной Франции и обусловленная им эволюция якобинизма в его «толпе» (авт.). Кровавый же эпизод 9 числа (падение Робеспьера) есть не более, как деталь или случайность»...*

«Таков «путь термидора». Его торжество обуславливалось его органичностью. В отличие от путей Вандеи²⁷ и Кобленца²⁸, он опирался на существо самой революции, принимая ее основу и подчиняясь ее законам. Термидорский сдвиг был подготовлен настроениями революционной Франции и совершен Конвентом, т. е. высшим законным органом революции» (курсив автора).

«Детали, конкретные очертания революции у нас радикально и несоизмеримо иные. В частности, судя по всему, в теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но... он и не существует сам по себе... Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преображении душ и. сердец ее агентов»**.

* «Путь Термидора», стр. 20.

** Ibid., стр. 21–22.

И, покойный за «судьбу революции», г-н Устрялов ставит все точки над і.

«В современной России как-будто уже чувствуется (автор писал все сие в июне 1921 г. — *Н. Б.*) веяние этой новой фазы. Р е в о л ю ц и я у ж е н е т а (авторский курсив. — *Н. Б.*), хотя во главе ее — все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот. Но они сами вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный им Кронштадтской Горой²⁹, — не удастся ли им поэтому избежать драмы 9 числа? Большевистский орден несравненно сплоченнее, дисциплинированнее, иерархичнее якобинцев. Вместе с тем Ленин более гибок и чуток, нежели Робеспьер».

И т. д.*.

Мы сделали такие большие выписки из Висвамитры для того, чтобы читатели ясно видели, что г. Устрялов нападает (беря под свое «покровительство») именно на Л е н и н а , как термидорианца, а «путем термидора» крестит путь «новой экономической политики», которая есть, по Ленину, единственная правильная хозяйственная политика пролетариата. Ну, а теперь обратимся к разбору этих положений г-на Устрялова.

Сперва насчет Франции. Мы, правда, мало осведомлены о глубине исторических познаний профессора Устрялова. Все же, однако, мы не думаем, чтобы г. Устрялов не понимал всей бедности своего анализа. Какой приглаженной, какой ровной выступает перед ним бурная история французской контрреволюции! Каким гладким, почти идиллическим, оказывается «путь термидора»! Казнь Робеспьера — маленькая деталь, случайность, почти «ошибка» истории. Дело, видите ли, в изменении «душ и сердец» — только и всего. Как просто и мило! Что — «м и л о»! нужно сказать «у м и л и т е л ь н о»! Беда только в том, что устряловская «история» совсем не соответствует действительной истории.

Вообще, «метод» г-на Устрялова оставляет желать многого. Вместо разнообразных, разноречивых живых общественных сил — у него сплошное целое: «революционная Франция»; вместо переплета этих сил, их борьбы, их перегруппировок и т. д. — «эволюция умов и сердец» — и т о л ь к о . И т. д. Этак можно «доказать» все, что угодно. Только что за толк будет иметь эта профессорская болтовня?..

Г-н Устрялов скрывает, что 9-му термидора предшествовал разгром «бешеных» и левых элементов Парижской Коммуны, т. е.

* «Путь Термидора», стр. 24.

разгром организаций мелкого и беднейшего мещанства, ремесленников и рабочих. Г-н Устрялов скрывает, что против робеспьеровцев сплотились правые контрреволюционеры во главе с жирондистами, т. е. матерые буржуазные круги; «болото» (группа идеологов «новых богачей») и крайняя левая (левые якобинцы, близкие к «бешеным»). Г-н Устрялов ничего не говорит о лозунге термидорианцев: «Война роялистам и террористам» (идиллический лозунг, не правда ли?). Г-н Устрялов умалчивает и о последующих казнях левых якобинцев, о казнях большинства членов Парижской Коммуны и о ее разгроме, о разгроме «золотой молодежью» якобинского клуба и о роспуске его новым правительством. Г-н Устрялов ничего не говорит о возвращении жирондистов и роялистов, о восстании против контрреволюции в апреле 1795 г. рабочего Парижа, об осадном положении, о неистовствах массового белого террора после поражения апрельского восстания, о массовых казнях в Лионе, Марсели и т. д.; он ни словом не упоминает о восстании тулонских рабочих и о кровавом подавлении этого восстания. Все это так себе, маленькие случайности, очевидно. Или г-н Устрялов не знает обо всем этом? Мы уже не говорим о последующем «развитии» термидорианского «пути», — это завело бы нас уже слишком далеко. Не правда, как все это похоже на устряловскую идиллию? Как это напоминает «сердечную эволюцию» «тех же самых» лиц («основной массы якобинцев»)?

Нет, г-н Устрялов! Вы положительно слабы во французской истории!³⁰

Г-н Устрялов не видит оснoвного: передвижки классов. Он не понимает (или не хочет понимать), что термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и «подготовленным» всем предшествующим развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции. Г-н Устрялов не заметил этой «малости». Хорош анализ! Хороши выводы из него!

Уже это одно делает разговоры о русском термидоре просто глумлением. Но есть любители жевать эту жалкую жвачку: ведь буржуазии так хочется, чтобы у нас дело окончилось тоже «по-французски»...

Оные любители, неизбежно либо невежественные, либо утешающие себя, не понимают основной, кардинальнейшей разницы между французской буржуазной революцией XVIII века и пролетарской революцией XX. Великая французская революция объективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю; а субъ-

ективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была м е л к а я буржуазия. Ниспровержение мелкобуржуазной революционной диктатуры лежало, таким образом, в логике самой революции, ибо налицо было н е с о о т в е т с т в и е между объективными задачами революции и ее основным субъективно-классовым фактором. Ничего подобного нет в н а ш е й революции. Наоборот, здесь налицо строгое соответствие между объективно-историчееким «смыслом» революции и основной классовой ее пружиной: пролетарская революция — пролетариат — пролетарская диктатура. Это вовсе не значит, что пролетариат действует в социально-безвоздушном пространстве, — такое понимание вещей означало бы преступное теоретическое легкомыслие. Но с л о ж н о с т ь картины отнюдь не уничтожает ни ее основного рисунка, ни ее решающих декоративных тонов.

У г-на Устрялова может быть только один выход: если бы он показал, что диктатура пролетариата сменилась у нас — через Перерождение власти — диктатурой буржуазии, что у нас — в какой-то оригинальнейшей, отнюдь не французской, форме — произошла радикальная «трансформация» социальной сущности советской власти. Правда, это был бы не «термидор», но это было бы вещью, отнюдь не менее опасной и губительной с точки зрения революционного пролетариата. Посути дела г. Устрялов спекулирует именно на это, играя, так сказать, на повышении акций буржуазии внутри страны, и уж, конечно, «в плане революции».

Мы должны здесь снова предоставить слово — и на значительное количество времени — самому г. Устрялову:

«Вдумываясь в происходящий процесс эволюции советской политики, нельзя не заметить, что он необходимым образом приводит и приведет к созданию в стране новых социальных связей (авт. — Н. Б.). Вполне естественно предположить, что и государственная власть России будет находиться в непосредственной и определенной зависимости от этих новых связей, рожденных органически в революционном процессе ... решительно изменяется тот с о ц и а л ь н ы й б а з и с (авт. — Н. Б.), на который приходится ориентироваться Москве, при чем изменяется он в сторону, диаметрально противоположную коммунизму...

Социальный фундамент большевизма непрерывно эволюционировал за годы революции. Сначала он состоял из солдат, мечтавших о мире, рабочих, требовавших хлеба, и крестьян, претендовавших (!) на землю и богатства помещиков. Затем он трансформировался в союз городского пролетариата с «крестьянской беднотой». Потом пришлось считаться (увы, больше словесно) с пресловутым «средняком», а фактически переходить

к опоре на специальные привилегированные группы, военно-полицейские и чиновничьи»*.

«Ленин, — продолжает г. Устрялов, — понимает, что игнорирование происшедших перемен в психологии народных масс было бы пагубным для власти... Нельзя лучше (чем Ленин. — Н. Б.) формулировать сущность создавшегося положения. Но вместе с тем нельзя и игнорировать и неизбежные плоды его в будущем: революционная Россия превращается по-своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну»**.

И еще дальше:

«Пусть сейчас «новая» буржуазия заявляет о себе, главным образом, несметными полчищами всевозможных «пенкоснимателей» и спекулянтов дурного тона... за ними должна прийти и с о з и д а т е л ь н а я б у р ж у а з и я (авт. — Н. Б.), выдвинутая и закаленная революцией, и, в первую голову, конечно, «крепкий Мужичок»...***

А раньше, еще более отчетливо:

«Все яснее становится, что повернуть «назад к коммунизму» Москве даже и при желании уже не удалось бы. Формируются новые социальные связи, созревает «советская буржуазия»... Новые хозяйствующие элементы — крестьянство, «омелкобуржуазившиеся» рабочие, новая буржуазия городов — крепко связаны с порядком, созданным революцией, но они решительно не заинтересованы в реставрации насильственного «коммунизма»... Когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, последуют, вероятно, соответствующие «рефлексы» и в области «большой политики»****.

Пожалуй, довольно с нас выписок. Читатели, надеемся, без труда заметят, где лежит основной порок, всех этих рассуждений (и вожделений) г-на Устрялова. Точно так же, как в области э к о н о м и к и , г-н Устрялов вычеркнул 62 проц. (обобществленную часть) общего «капитала» страны, так он, ничтоже сумняшеся, зачеркивает и весь п р о л е т а р и а т . В самом деле, он весьма подробно останавливается на «новых связях», «пенкоснимательской» буржуазии, буржуазии деловой и «созидательной» и т.д. Но что вы узнаете о р а б о ч и х ? Растет их число или уменьшается? Консолидируется ли рабочий класс, или все время распыляется и продолжает распыляться? Повышается ли

* «Логика революции», стр. 94.

** Там же, стр. 96.

*** «Логика революции», стр. 98.

**** «Эволюция и тактика», стр. 53–54.

удельный социальный вес пролетариата или падает? Все и подобные вопросы зачеркнуты г. Устряловым, точно в природе пролетариат вообще перестал существовать. Ошибка г. Устрялова в области социального анализа вполне симметрична его ошибке в области анализа чисто-экономического. Это и понятно. У нас теперь такой уклад материальной жизни, что хозяйственные формы имеют своих классовых носителей, а переплетение этих хозяйственных форм, их связи, их борьба находят себе более или менее точное и адекватное отображение в области социально-классовой. Сфокусничав при определении удельного веса различных хозяйственных форм (преждевременное погребение государственной промышленности без достаточных на то оснований), г. Устрялов вынужден был повторно сфокусничать и при определении удельного веса различных классов. В действительности происходит не только образование новых буржуазных «связей», но и еще более быстрый рост пролетариата, собираемого восстановительным процессом в нашей промышленности. В области социально-классовых отношений это есть решающий факт, основной факт нашей действительности. Вез этого факта наше дело было бы, конечно, проиграно. Оно не проиграно, оно, наоборот, продвигается вперед именно потому, что и абсолютно, и относительно растут социалистические элементы хозяйства, и вместе с ними растет пролетариат, увеличивая свою социальную крепость и мощь. Но, — скажет нам г-н Устрялов, — ведь мелкобуржуазных элементов гораздо больше, если считать «головы» населения. Да. Это — верно. Но здесь г. Устрялов вдруг ни с того, ни с сего начинает защищать ту самую «арифметическую точку зрения», против которой он, вообще говоря, протестует со всей свойственной ему сдержанной страстностью. И тут мы снова присматриваемся к аргументации г-на Устрялова и не можем не сказать: «А и убогенькие же вы люди, наши почтенные критики!»

В самом деле, посмотрите, как упрощает себе задачу харбинский профессор, когда он «вдумывается в происходящий процесс эволюции». Давайте, проследим шаг за шагом его аргументацию.

Итак, «вначале бе Слово», то бишь «вначале» социальный базис большевизма состоял, по Устрялову, из солдат, рабочих, крестьян. Прекрасно. И только? И только.

Это, конечно, весьма «просто». Но, представьте себе, г-н профессор, это в высшей степени недостаточно. Прежде всего, не трудно увидеть, что «солдаты» вовсе не особая социально-классовая категория: это на 999/1000 — крестьяне. Это — во-первых. Далее. Каковы же были «вначале» отношения внутри рабоче-крестьянского

блока? Г-ну Устрялову вопрос этот, пожалуй, покажется пустяковым. А на самом деле он является о с н о в н ы м . Никакого «анализа» «социального фундамента» дать н е л ь з я , если не отвечать на этот вопрос. Ибо это есть вопрос о г е г е м о н и и п р о л е т а р и а т а . Мы полагаем, что именно г е г е м о н и я пролетариата (а после взятия власти его д и к т а т у р а , которая есть государственная форма его гегемонии по отношению к крестьянству) обеспечила победу революции. Нумерической, арифметической «точкой зрения» здесь не возьмешь. Ей нужно противопоставить прекрасные слова Ленина, на которого, кстати и некстати, любит ссылаться г. Устрялов.

«Колеблущихся много. Нас мало. Колеблущиеся разъединены. Мы объединены. Колеблущиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблущиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим. И потому мы победим»*.

Это — не вульгарная «арифметическая» точка зрения. Это — н а с т о я щ и й анализ.

Вы видите, читатель, как «последовательно» г-н Устрялов повторяет одни и те же методологические ошибки. Когда он говорил о Франции, то вместо точной, ясной классовой характеристики у него появлялась расплывчатая «революционная Франция», где все кошки были одинаково серы или одинаковы красны, и где можно было поэтому обнаруживать незаурядную «ловкость» в аргументации. А что делает г-н Устрялов в д а н н о м случае? Он нарочно в «солдатах, рабочих и крестьянах» топит д и к т а т у р у п р о л е т а р и а т а . Ее у него нет уже заранее. И поэтому «в следующих строках» ему уже будет гораздо легче лицемерно ее оплакивать. Чем меньше ее «в начале», тем меньше ее будет и «в конце». Это так просто. Но — «увы»! — это отнюдь не убедительно.

Г-н Устрялов впадает, как полагается, в самую обыкновенную, весьма распространенную, ошибку: он смешивает: вопросы о более или менее тесном сотрудничестве (иногда «блоке», «союзе» и т.д.) классов в о б щ е с т в е с вопросом об их сотрудничестве (rsp. «блоке», «союзе» и т.д.) во в л а с т и , т.е. с вопросом о р а з д е л е в л а с т и . Диктатура пролетариата есть единоедержавие пролетариата, как класса. Но она, эта диктатура, может быть в наитеснейшем блоке или союзе с крестьянством или его определенными слоями.

* Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, 1925, стр. 216 (О продналоге).

Понятно, что в ходе революции это отношение пролетарской диктатуры, как субъекта, активного члена отношения, в своем классовым партнерам может меняться, но это ни капли не будет еще означать исчезновения самой пролетарской диктатуры. Для этого теоретически возможного исчезновения требуются совершенно особые условия.

А теперь смотрите, как фокусничает г-н Устрялов в своем дальнейшем изложении. Начальная форма «фундамента» трансформировалась в «союз городского пролетариата с крестьянской беднотой». Верно это? И верно и не верно. Тут нужно добавить: во-первых, под «союзом» необходимо подразумевать союз городского пролетариата, организованного, как государственная власть, с «крестьянской беднотой»; во-вторых, нельзя упускать из виду не й т р а л и з а ц и ю середняка или, по крайней мере, его значительных слоев.

Теперь наступает «*der springende Punkt*»³¹ в рассуждениях г. Устрялова. Г-н Устрялов прямо заявляет, что дальше «пришлось считаться (увы, больше словесно) с средняком, а фактически переходить к опоре на... привилегированные группы, военно-полицейские (знаменитые чрезвычайки, на которых «только и держится» советская власть! — *Н. Б.*) и чиновничьи». А еще дальше г. Устрялов сразу переходит к нэпу, новой буржуазии, «дельцам» и т.д. Вот вам и «решительное изменение» социального базиса власти!

Приглядимся ко всем этим трюкам.

Кому пришлось «считаться с средняком»? (Нужно сказать не «считаться» — считались всегда, — а «искать союза» с ним). Пролетарской диктатуре. Ибо, если она в этот момент исчезла, тогда нужно было бы об этом чуде, по крайней мере, оповестить. Кому пришлось опираться «фактически» на военно-полицейские группы? Очевидно, тоже пролетарской диктатуре, которая в классе в своем смысле есть диктаторская власть пролетариата. Но тогда «опирание» на «военно-полицейские группы» ничего другого не выражает, как тот факт, что пролетариату понадобились особые органы репрессии. Однако, конечно, не то хочет, сказать Устрялов. У него уже нет пролетариата, а «власть» имеет теперь единственную «опору» в Чека и т.д. Г-н Устрялов где-то по дороге совсем потерял пролетариат, хотя скрыл это от читателей. А так как он тут же обрел «новую: буржуазию», то он сейчас же захотел подпереть ею бедную, повисшую в воздухе, «власть». Надев на нее буржуазные штаны, или, вернее всунув в штаны советской власти буржуазное, хотя и «новое» естество, г. Устрялов тотчас же ударил в литавры: тезис о перерождении власти «доказан». Чего же беспокоиться?

Такого рода перерождение могло бы произойти в действительности, если бы пролетариат все время распылялся по мере гибели государственной промышленности, основного базиса социализма. Но так как этого процесса давно нет, и процесс упадка госпромышленности сменился процессом быстрого ее подъема, то в воздухе повисла вовсе не советская власть, а некие сменовеховцы. <...>

IV. Революция и эволюция Клевета на Ленина. «Философия эпохи». Фашистский цезаризм

Г-н Устрялов постоянно пытается «обволокнуть» своего читателя облаками пышных и пухлых образов. В поисках синтетического «стиля» меняющейся революционной страны, он ухватывается обоими руками за весьма прозаический засаленный кафтан нэпмана и в перл создания возводит его еще неразвернувшиеся добродетели. Но, нащупывая этот «синтетический стиль», г. Устрялов поднимается на самые белоснежные высоты идеологии и прямо застывает в экстатическом созерцании нэпмановского великолепия, истолковывая «сущее» под углом зрения того «должного», которое является неперменным категорическим императивом нового буржуа.

«Ангел революции тихо отлетает от страны: — но он уже обеспечил себе бессмертие»*.

«Революция... есть д у х, она, прежде всего, есть дух живой. Она — с т и л ь страны в определенную эпоху ее жизни. Она — жизненный порыв, имеющий свое начало и свой конец. Страна уже не та, что была четыре года тому назад. Существенно иная обстановка — и материальная, и психологическая, и международная, и национальная. «Опыт» проделан, м а к с и м а л ь н о е р е в о л ю ц и о н н о е к а л е н и е — позади. Начинаются сумерки, — быть может, и очень долгие, длительные, как в северных странах»**.

« Р е в о л ю ц и я з а в е р ш а е т с я — Р о с с и я в о с с т а н а в л и в а е т с я ***.

«Друг Аркадий»³², как видите, не разучился еще «говорить красиво». Но он отнюдь и не научился трезвее мыслить. Г-н Устрялов все время привлекает к делу «духов» и «ангелов» только для того,

* «Сумерки революции», стр. 45.

** Там же, стр. 45.

*** Там же, стр. 44.

чтобы доказать следующую «мысль»: так как теперь прошли времена «революционного каления», то, значит, революция кончилась. А если революция кончилась, значит «со духи праведны скончашася» и всякие «социализмы», «госпромышленности», «пролетарские диктатуры» и прочие скороспелые продукты «революционного каления». Вот, в сущности, что хочет сказать г-н Устрялов.

Этот ком мыслей может кое-кого поймать на удочку. Ибо и среди нас есть такие товарищи, которые начинают приходить в уныние, как только кончается героическая «драка», и наступают прозаические времена «торговли и промышленности»...

Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они³³.

Но такие «бойцы», которые не ушли дальше примитивного понимания революции т о л ь к о как непосредственно вооруженной драки, у нас все же редки. Удивительнее всего, однако, то, что г. Устрялов, — профессор, «ученый» и прочее, — так сказать, с д р у г о г о к о н ц а , становится на эту же плоскость. Ведь, если рассуждать по Устрялову, то, чтобы не получились «сумерки революции», люди должны, вообще говоря, не переставая, драться на баррикадах и вести гражданскую войну — иначе-де «ангел революции» улетает и его потом уже не заманишь ни в какую западню.

Нелепо даже опровергать этот вздор. А тем не менее и м е н н о э т о т вздор лежит в основе устряловской концепции.

Разрешите все же, г-н профессор, правильно поставить вопрос.

Социалистическая революция, в точном смысле этого слова, есть процесс превращения капиталистического общества в общество социалистическое. Она предполагает, в первую голову, завоевание власти пролетариатом, экспроприацию экспроприаторов и уничтожение их сопротивления.

А д а л ь ш е начинается органический, эволюционный рост нового общества, который сам есть составная часть великого революционного преобразования. Если, в э т о й фазе революции, быстрыми шагами идет процесс действительной социализации экономики, то только ничего не понимающий человек будет говорить о «сумерках революции» и об ее улетающем «ангеле». Наоборот, такой ход дела есть т о р ж е с т в о революции, а вовсе не ее «сумерки». Равным образом, если мы доживем до того времени, когда электротехника будет праздновать свою победу, то это будет означать высшее торжество революции, а вовсе не ее окончательную гибель. Только с известной

точки зрения можно сказать, что революция умирает тогда, когда она делается излишней, т.е. когда она достигает своего окончательного торжества. Но не то, не то, говорит г. Устрялов. Ибо он умалчивает, что вслед за отлетающим «ангелом революции» в его «плане» прилетает тотчас же черный «ангел контрреволюции», который без всякого стеснения выкладывает на стол свои копыта.

Для того, чтобы наступили действительные «сумерки революции», был бы необходим процесс органического вытеснения государственного хозяйства частным капиталом. Но этого как раз и нет, а есть нечто обратное. Следовательно, и ангелам г. Устрялова придется переменить путевку и наметить себе иной маршрут...

Но г-н Устрялов, не верящий ни в какой социализм, все же, как это ни странно, желает на контрреволюционной платформе найти себе компаньона... в ком бы вы думали, читатель? В Ленине! Да, не более, не менее, как в Ленине.

«Наше указание, — пишет г. Устрялов, — ...на безнадежность социализма в современной России — есть, по мнению советского вождя, не что иное, как «классовая правда, грубо открыто высказанная классовым врагом»*.

Выходит, примерно, так, что Ленин солидаризировался в диагнозе с Устряловым. Выходит так, что Ленин чуть ли не поставил крест над строительством социализма в нашей стране. Это, конечно, клевета на Ленина, пущенная в оборот классовым противником, клевета, которая успела, впрочем, пустить уже кое-какие корешки. А Ленин говорил вот что:

«Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны ... Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед ним стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным»**.

Это — безусловная правда. Ленин, следовательно, отнюдь не утверждал, что мы переродились или перерождаемся и т.д. Ленин говорил лишь, что это возможно, и что нужна борьба, борьба и еще раз борьба, чтобы эта возможность не стала реальностью. Признать это вовсе не значит, однако, петь с голоса Устрялова. Наоборот. Нужно срывать маску с этого врага, как с врага. Ни на ми-

* «Логика революции», 100.

** Ленин, XVIII, 2, 42. Курсив наш.

нугу нельзя терять уверенности в нашей победе. Но необходимо чутко прислушиваться, какую о п а с н о с т ь сигнализирует противник, для того, чтобы обрушить на него соответствующие силы и подкрепить слабые фронты.

<...>

<...> Был необузданный интернационализм, — сейчас «учет патриотических настроений» и приспособление к ним. Был правовернейший антимилитаризм, — но уже давно гордость революции — Красная армия. Можно продолжать эти антитезы до бесконечности» *.

А вот еще-один цветок из того же букета:

«Начав проповедь немедленного всеевропейского пожара, Ленин кончил заветом всемерного поощрения национально-революционных движений азиатского мира, парадоксальным апофеозом «туркестанскому социализму». Так в революционной идеологии неожиданно (!) и причудливо обретает Россия свою исконную историческую миссию «Евразии» **.

Уф! Как тут не согнуться под бременем этих фокусов! Все же нужно ответить и на это чудесное превращение Ленина в Дмитрия Донского, Интернационала — в «боже, царя храни», красного в белое, коммунистов в сменовеховцев, пролетарской диктатуры в государство «евразийских» нэпманов и так далее «до бесконечности»³⁴.

Начнем с конца.

Итак: Ленин «начал» с проповеди западной революции, «кончил» — революционным движением «азиатов». Вывод: перерождение в «евразийском» духе.

Вот уж хочется не совсем парламентски сказать: «Ври, да знай же меру!». Все же от г. Устрялова позволительно было бы ожидать б о л ь ш е й э л е м е н т а р н о й г р а м о т н о с т и . Ленин — да позволено будет вам сообщить, г-н профессор — «начал» с того, что, в общем контексте мировой революции г и г а н т с к о е значение отводил национальным и колониальным движениям. Не знать этого немного... позорно. Это — во-первых. Во-вторых, какое логическое основание имеется для п р о т и в о п о с т а в л е н и я европейской революции азиатским движениям? Или г-н Устрялов не пони мает, что движение в Китае и в Индии, напр., неизбежно о б о с т р я е т в конечном счете

* «Сумерки революции», стр. 44–45.

** «Семь лет», стр. 164.

и движение в Англии, т.е. «европейскую революцию»? Что остается от «аргумента» г-на Устрялова? Круглый нуль.

Двигаемся дальше, «Правоверный антимилиитаризм» — «начало». Вырожденческий «конец» — «Красная армия». Опять приходится только удивляться — простите, г. профессор — удручающе безграмотности и харбинскому невежеству нашего критика. Если бы г. Устрялов заглянул хотя бы одним глазом в большевистскую довоенную, а равно и военную (1914 и сл. годов) литературу, то он бы увидал, что большевики, в противоположность всем другим антимилиитаристам, с самого начала стояли за организацию революционных вооруженных сил. Смешивать нас с пацифистами — значит, обнаруживать элементарное незнание предмета. А логически? Интересно было бы знать, как это можно представить себе диктатуру пролетариата, да еще в международном окружении, без революционной армии? Кажется, и это ясно даже младенцу. Что же осталось от «красноармейского» аргумента г. Устрялова? Тоже такой же круглый нуль.

«Необузданный интернационализм» — в начале. «Учет патриотических настроений» — в конце. Третий номер «антитез» и третье доказательство перерождения.

Итак, но Устрялову выходит, что мы раньше «не учитывали патриотических настроений». Но и тут г. Устрялов обнаруживает «необузданную» безграмотность и «необузданно» короткую память. Мы приведем лишь один контрпример. Вскоре после победы февральской революции Ленин предложил во что бы то ни стало считаться с «оборончеством добросовестно заблуждающихся масс», т.е. с их патриотизмом. Было это или нет? И где же «необузданное» начало? Если мы учитывали патриотизм, когда он объективно был против нас, то где же основания для того, чтобы мы не учитывали его тогда, когда он оборачивался за нас (напр., во время «польской войны»)? И где резоны — резоны с точки зрения коммунизма — против того, чтобы переводить русский или украинский патриотизм на рельсы «патриотизма» пролетарской диктатуры? И здесь г. Устрялов терпит совершенно заслуженное им банкротство.

«Воинствующий» атеизм — вначале, «компромисс с церковью» — в конце». Фраза, почтеннейший! Когда мы вступали в революцию, мы почти не вели атеистической пропаганды. А сейчас, без шума и гама, мы ведем ее в широчайших размерах, и при том разными родами пропагандистского и агитационного оружия, ведем планомерно и систематически, более умно по форме, чем несколько лет тому

назад, более крепко по существу. Или можно отрицать этот ф а к т? И «атеистический» аргумент Устрялова падает в пропасть.

Едем дальше:

«Была немедленная мировая революция» — теперь «ориентация на мировой капитализм», «отказ от экстремистских методов борьбы с ним». Вот уже поистине: «устаами Устрялова Чемберлену бы да мед пить!». Что хочет, в сущности, сказать г. Устрялов. Что сейчас в Европе менее революционное настроение, чем в 1921 г.? Это ф а к т, и с этим фактом мы должны считаться, хотя это, вопреки Устрялову, ни капли не может непосредственно отражаться на социальной сущности советской власти. Или г. Устрялов «замечает», что мы от войны с капиталистами перешли к м и р у с ними и п о э т о м у «переродились» и «трансформировались»? Но тогда мы напомним г. Устрялову, явно страдающему болезнями памяти, что мы вошли в революцию 1917 года е л о з у н г о м м и р а. Где и когда мы стояли за войну при всех условиях? Что за вздор вы изволите городить, г. Устрялов?

Но г. Устрялов позволяет себе и прямые... переиначивания. У него выходит, будто бы мы с м е н и л и «ориентацию на мировую революцию» на «ориентацию на мировой капитализм». Что значит «ориентация на мировой капитализм» — мы в точности не знаем. Это может означать лишь торговлю, дипломатические сношения, кредитные сделки и т. д. Так что же, по Устрялову, если держишь курс на революцию, то нельзя торговать? Что же, тут нужно решать вопрос по методу: «или — или»? Ах, господин Устрялов! А, говорят, вы еще Гегеля нюхали! Не видно что-то! Жалкое повторение жалких аргументов Каутского и прочих... Наконец, последнее «доказательство»: антитеза «немедленного коммунизма» и «НЭП'а». Но об этом мы уже достаточно говорили в предыдущих главах. И здесь господин Устрялов обнаруживает и короткую память (наша п е р в а я «программа», сорванная войной и интервенцией), и непонимание основных процессов нашего хозяйства (противоречивый характер развития, усиление с о ц и а л и с т и ч е с к и х э л е м е н т о в).

Вот и все. Вот и вся тяжелая артиллерия г-на Устрялова. Без замков ваши пушки. Не стреляют.

Всем вышеизложенным, мы, как нам кажется, подбили на смерть и основную обобщающую идею г. Устрялова, его н а ц и о н а л - « е в р а з и й с к у ю » «философию эпохи». Г-н Устрялов. из великого кризиса современности извлек лишь тот урок, что растет-де российская великая держава, в новых формах и новыми методами продолжающая «славные» исторические традиции могучего карамзинского «государства российского». Г-н Устрялов идейно сходится здесь

самым трогательным образом со всеми врагами советского государства, от Каутского до Чемберлена. По Устрялову, коротко и грубо говоря, весь наш социализм — пуф. А не пуф — новое государство, с небывалой широтой размаха своей политики, с чугунными людьми, укрепляющими русское влияние от края до края земли. С этой точки зрения готов нас приветствовать г. Устрялов:

«Ни Алексеев — видите ли — ни Колчак, ни Деникин не имели э р о - с а в л а с т и . Все они... были д р я б л ы м и в о ж д я м и д р я б л ы х »*.

Другое дело коммунисты:

«Железные чудища, с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?..³⁵

Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгущих конденсированной энергией!

Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей, — и, миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей опустошенности»**.

А пока что г. Устрялов хочет заделаться поставщиком этих самых «микробов опустошенности». Ибо, если говорить серьезно, то «философия эпохи» г-на Устрялова и н е в е р н а , и г л у б о к о п е с с и - м и с т и ч н а , хотя он этого и не видит.

Она неверна потому, что г. Устрялов никак не поймет основного факта огромнейшее влияние СССР базирует на том, что в нашей стране не только произошла смена «дряблых» на «недряблых», но и опрокинулась старая социальная иерархия. Наше влияние р а с т е т потому, что растут н о в ы е о б щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я . Наш голос слышен в Азии и в Африке потому, что мы отказались от в е л и к о - р у с с к о г о ш о в и н и з м а и сплотили свой союз на новых основах сожительства наций. Теория Устрялова, коротко говоря, неправильна потому, что она не понимает решающего момента: теперешний всемирный кризис есть кризис к а п и т а л и з м а . Выход из него есть социализм, и т о л ь к о о н о д и н .

Теория Устрялова глубоко п е с с и м и с т и ч н а , хотя ее автор и разыгрывает гаммы бодрости и жизнерадостности. Она пессимистична потому, что предрекает новый цикл капитализма у нас, т.е. дальнейшее воспроизводство тех же самых противоречий. Она есть, так сказать, сказка про белого бычка, притом «в мировом масштабе».

Вели бы эта сказка стала былью, она означала бы г и б е л ь в с е г о к у л ь т у р н о г о ч е л о в е ч е с т в а .

* «Фрагменты», стр. 348.

** Там же, стр. 353.

Но все же можно признать, что теория г. Устрялова, будучи пессимистична по существу, о т н о с и т е л ь н о может казаться радужной. Это для тех буржуа, которые думают только о завтрашнем дне, не заглядывая д а л ь ш е . Г-н Устрялов тоже б о и т с я смотреть особенно далеко, ставя повсюду тощие вопросительные знаки, когда дело доходит до основных проблем в их «планетарной» постановке. И поэтому он строит для себя более скромную теорию, стратегию, тактику.

Это есть теория, стратегия, тактика р о с с и й с к о г о ф а ш и с т с к о г о ц е з а р и з м а . Все элементы этого даны у Устрялова: его национализм, его «национал-большевизм» (некоторые германские фашисты называли себя именно так), его резко выраженный антипарламентаризм с генералами и рейхсвером, его культ Муссолини, его ставка на гегемонию «ординарной буржуазии», ведущей «крепкого мужичка», его неприкрытый цезаристский идеал, его «национально-империалистские» вождедения, его культ «эроса власти», его борьба (пока осторожная) с социализмом. Он надеется, что все эти элементы «вызреют» не только у него, и вылупится, в конце-концов, великий Мессия, который уже по настоящему взнуздает «сброд»...

Но, говоря старой поговоркой, — страшен сон, да милостив бог. Г-н Устрялов уже не раз занимался пророчествами, но каждый раз сугубо неудачно. Характерно, что он и до сих пор никак не может свести концы с концами, хотя уже «совы Минервы» вылетели давным-давно, и пора человеку понять вещи, которые совсем уж не так мудрены. Вот пример. Г-н Устрялов пишет:

«Та бездна исторического зла, которая скопилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, увы (г. Устрялов крайне любит «увывать». — Н. Б.), лишь катастрофою».

Это говорится на 112 странице «опуса» г. Устрялова.

А на 137 мы читаем, что во время империалистской войны числиться в оппозиции было «пагубно и преступно». Вот вам и поймите, что к чему!

Г-н Устрялов совсем не понял мировой войны и «исторического зла» самодержавия.

Г-н Устрялов совсем не понял смысла гражданской войны и только *post factum* он начал соображать, что дело белых было гиблое дело.

Г-н Устрялов не понимает теперь х о з я й с т в е н н о й «войны», которую мы ведем, и здесь открыто с т о и т в с т а н е наших врагов. А по существу дела он защищает, как это ни странно, р е ф о р м и р о в а н н о е с а м о д е р ж а в и е , самодержавие нового образца.

Фашистский цезаризм, это, ведь, и есть не что иное, как такая форма самодержавия, которая прошла через огонь и медные трубы, которая, вместо старых дворянских гербов, имеет золоченные гербы «шиберов», спекулянтов и подозрительных «дельцов», которая опирается на новое служилое сословие, кулаков и лабазников, развращенную и подкупленную «свою» «массу» из «деклассированных».

Среди всех наших противников г-да «цезаристы» заслуживают особого внимания. Они мягко стелют, да жестко будет спать. Впрочем, мы нисколько не сомневаемся, что их «мечты» останутся «мечтами». Г-да Устряловы могут нас похваливать, могут кое-что у нас заимствовать, могут изо всех сил стараться придушить нас изнутри, могут напрягать последние силы, чтобы поддержать новую буржуазию. Но в общем историческом итоге: <...>

Есть одна великая сила, которой будет принадлежать мир. И эта сила — коммунизм.

